

Юрий ИГРИЦКИЙ

Ложное отомрет само

Непросто аналитикам в СССР оценить социальное содержание и направленность процессов, происходящих в стране (хотя бы потому, что они не только не завершились, но и не стали необратимыми).

Тем более непросто вникнуть в суть этих процессов тем, кто наблюдает за ними извне — зарубежные исследователи тонут в информации, а соприкосновения с реальной действительностью у них нет.

И уж совсем сложно обществоведам в СССР судить об умонастроениях своих коллег в других странах. Слишком много между нами различий, вызванных разными условиями формирования общественной психологии и методологии научного познания, не говоря уже о простых житейских причинах.

Но многое и объединяет нас — это прежде всего ясно и твердо провозглашенная в последнее время с обеих сторон готовность к дискуссиям и диалогу. Вот и профессор Марк фон Хаген прямо говорит: «Мы заинтересованы в сотрудничестве с советскими и восточноевропейскими учеными... предполагается, что контакты американских советологов в

Восточной Европе и СССР будут расти и углубляться... в результате наше поле деятельности расширится и обогатится».

В качестве одного из тех, кто давно знаком с работами многих американских ученых, посвященных истории и современному развитию Советского Союза, хочу выразить безоговорочно позитивное отношение к прямым дискуссиям и контактам с зарубежными коллегами. Тем более, что и у советских исследователей (во всяком случае у автора этих строк) возможности таких контактов были в прошлом ограниченными.

Как способствовать расширению международного сотрудничества в области изучения России и СССР, их роли и места в мировом сообществе, новых общественных структур, возникших после 1917 и 1945 годов на обширных пространствах Восточной Европы и Азии, изучения перспектив происходящих там перемен в настоящее время? Мой американский коллега сетует на ослабление интереса к советологическим исследованиям в США со стороны государства (госдепартамента, Пентагона, ЦРУ) и считает, что в будущем их заказы и дотации сократятся. Конечно, ему виднее, и если такое сокращение произойдет, оно будет достойно сожаления. Однако объяснение причин этого — возможный переход СССР в разряд второстепенных держав — трудно признать адекватным не только мировым реалиям, но и логике указанных выше ведомств. С чьей точки зрения наша страна теряет былое величие? С точки зрения американского истеблишмента, общественного мнения или самого автора?

Если роль России и СССР в мире определялась и определяется военной мощью (с чем мне лично трудно согласиться), то списывать нашу державу со счетов рановато. Если главный фактор величия страны — эффективность ее экономики, исчисляемая не общим объемом произведенного, а качеством продукции и ее количеством на душу населения, то Советский Союз никогда и не входил в круг сильнейших. Если дело в уменьшении военной угрозы в результате утверждения советской политики нового мышления, то по всем державным и человеческим канонам это должно вести к укреплению престижа СССР. Если, наконец, вклад государства и народов в мировую цивилизацию определяется в первую очередь их историей и культурой, то вряд ли найдется другая страна, которая в этом отношении привлекали бы к себе большее внимание, чем наша — при всей разноречивости и даже полярности точек зрения историков, философов, публицистов.

Вероятно, снижение интереса зарубежных спонсоров к научным исследованиям советологов объясняется в наибольшей мере тем, что эти исследования отстают от быстротекущей жизни и не дают сиюминутной практической отдачи — не предоставляют, в частности, рекомендаций стратегического и тактического характера, которые государственные ведомства могли бы использовать с необходимым запасом прочности. Но ведь отсутствие анализа еще хуже. Поэтому разочарование спонсоров рано или поздно сменится новым витком интереса к советологии, как это было не раз. Повышение уровня научных работ в этой сфере (не только зарубежных, но и советских) видится как одно из решающих условий такого интереса. Плодотворный диалог, обмен информацией и идеями между американскими и советскими исследователями могут сыграть свою стимулирующую роль, способствовать преодолению того, что профессор фон Хаген называет синдромом «советологического гетто».

Правда, в одном отношении хотелось бы видеть позиции американского ученого более ясными. Он порицает многолетнее засилье сталинистского догматического мышления в советской науке, обрекшее ее на изоляцию, и даже винит наш догматизм в низком качестве научных работ по истории СССР, вышедших в США: не было подлинного здорового соперничества со стороны советской исторической науки. Но в таком случае логично

ли тут же сожалеть о снятии ограничений на теоретические и творческие дискуссии в СССР, даже если при этом выплескивается на поверхность «наивный эклектизм», «скандальная и тенденциозная трактовка событий»? Ведь именно ограничения, наложенные на свободную мысль, привели к догматизму и застою в обществоведении, а следовательно, по закону маятника несут в конечном счете ответственность и за экстремистские, патологические проявления нынешнего антикоммунизма в советском обществе.

Новая волна ограничений и репрессий, если бы ее удалось кому-либо вызвать, с неизбежностью через некоторое время привела бы к новому, еще более резкому отрицанию отрицания. Напротив, при нормальном конкурентном климате в науке ложное рано или поздно отмирает само собой — именно так заглохла, например, некогда настойчиво пропагандировавшаяся на Западе идея об узковерхушечном, заговорщическом, немассовом характере Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России.

Долгое время во всех крупнейших странах Запада с необычайной остротой шли дебаты по поводу различных вариантов концепции тоталитаризма, их достоверности в целом и приложимости к Советскому Союзу в частности. Можно придерживаться любой точки зрения на этот счет, но вряд ли правомерно усматривать проявления антисоветизма и антисоциализма в самом факте широкого распространения таких дебатов в СССР сегодня. И здесь дискуссионность проблемы — не во вред, а на пользу общественной мысли. Что из того, что для западных политологов и социологов это пройденный этап? Во-первых, окончательной ясности в вопрос они так и не внесли. Во-вторых, чтобы повзрослеть, каждый должен сам пройти свой путь; чужой опыт можно учесть, но никак не подменить им собственный.

Зарубежным советологам в такой же мере полезно попытаться увидеть советское общество глазами живущих в нем людей (очень разных по определению), в какой советским людям важно знать, что о них и их стране думают за рубежом. Точки зрения «изнутри» и «извне» могут не совпадать, но они всегда взаимодополняют друг друга. Если молодым поколениям американцев, проявляющим интерес к СССР, удастся поставить себя на место советских граждан, то они, вероятно, поймут, что громко звучащие сейчас в Советском Союзе обвинения тоталитаризма отражают не столько знакомство и согласие с концепциями К. Фридриха и З. Бжезинского, Х. Арендт, Ф. Нойманна, сколько просто неприятие той системы и той практики, которые сложились в стране в результате ничем не ограничиваемой, осуществляемой волюнтаристски-принудительными методами монополии партийно-государственной верхушки на власть.

И это — главный факт сегодняшней советской действительности и главное достижение перестройки.

Созданная в ноябре 1989 г. в США группа «Левая альтернатива», куда входит и М. фон Хаген, опирается в своих мировоззренческих позициях (убежден в этом) на принцип верховенства масс, трудящихся классов, слоев, широких социальных движений. Это естественная основа консолидации всех левых. Однако массы в СССР расколоты. Расколоты не потому, что сознательно и продуманно выбрали разные теории будущего развития своей страны, а потому, что в этот выбор властно вмешался императив элементарного выживания, и если одни, кляня прошлое, готовы со стиснутыми зубами идти вперед в неведомое и, конечно же, тревожное будущее, то другие испуганы настолько, что, также кляня прошлое, предпочитают все же вернуться туда. Во избежание недомолвок: под прошлым я имею в виду именно ситуацию диктата и разложения партийно-государственной верхушки, отчуждения трудящихся от волюн-

таристски распределяемого общественного продукта, повальных дефицитов в народном хозяйстве, подрыва стимулов к производительному, эффективному труду.

Никогда в истории ни перед одним народом и тем более сообществом народов не стоял, к счастью для них, такой выбор. Думается, крайне сложно сейчас понять происходящие в СССР процессы, только наблюдая за ними из более спокойных точек земного шара.

Поэтому и традиционные понятия «левые» и «правые» поменялись сейчас местами в советском обществе. Да, левые всегда за «человека с улицы», а не за бизнесмена. Тут нет дилеммы. А если выбирать между «человеком с улицы» и партократором с психологией и поведенческим типом Медунова, Рашидова, Брежнева? На микроуровнях (города, района, предприятия) таких партократоров — тысячи, они связаны тесными системными узлами со своими аналогами в советских и хозяйственных органах. И все бьют себя в грудь, клянясь в верности народу. Как быть здесь? В этом случае не может не вступить в силу второй признак отличия левых от правых: первые всегда за радикальные (революционные или эволюционные) изменения, вторые за консервацию существующих порядков. Глубокий анализ социальных сил в современном обществе, соответствие им «левых», «правых» и прочих политических группировок — едва ли не наиболее важное и перспективное поле совместной деятельности обществоведов всех стран, в том числе американских и советских.

В этой связи хотелось бы напомнить профессору фон Хагену и ряду его коллег, что советские историки выдвинули по крайней мере одно совершенно конкретное предложение о сотрудничестве — об участии зарубежных советологов в многотомном труде «Очерки истории гражданской войны в России». Тут картина точно соответствует грустному замечанию американского историка о том, что число западных ученых, готовых к такому сотрудничеству, до обидного невелико. Заезженная фраза перестройки гласит: начни с себя...

Конечно, сейчас трудно всем — советским людям, советским обществоведам, зарубежным советологам. Но жива еще вера в социальный прогресс. «Драматические перемены в международном сообществе рано или поздно окажутся плодотворными». Я настолько согласен с этими словами Марка фон Хагена, что хотел бы считать их своими.